

Фото Андрей ФИЛАТОВА

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОГ НАПУГАТЬ ГЕНСЕКА

Усатый граф, красавец
в иляне,
Гое Паваротти?
Гое Шаляпин?
Их след простыл давно.
И ныне —
В душе моей поет Барынин.
Илья РЕЗНИК (эпиграмма)

Народный артист России Валерий БАРЫНИН — бессменный кумир поклонников оперетты во всей стране, певец с потрясающим диапазоном голоса — последние шесть лет гастролировал за рубежом, объехав с концертами полмира и записав десяток пластинок. Но Барынин — певец удивительно русский и неизбежно должен был вернуться. Так и случилось. Теперь он снова поет для нас, а друзьям и читателям рассказывает истории из театральной жизни, скопившиеся в его памяти за тридцать с лишним лет творческой деятельности.

БЛЕСК И НИЩЕТА МОСКОВСКОЙ КЛАКИ

Мир поклонников оперных артистов и артистов оперетты — странный. Живет он по своим собственным законам, услышав о которых случайный человек в изумлении разинет рот и заскребет затылок. Мир этот называется «клака» и в жизни всякого артиста значит немало. Они «ходят за кумиром». Они могут уничтожить артиста — как нечего делать! — и могут устроить ему суперуспех. Например, сбрасываются, покупают цветы и устраивают «праздничный занавес». Садятся сбоку на ярусы и по команде одновременно бросают цветы. Но не букетами, а по цветочку — и на артиста действительно падает занавес из цветов... Или делают «залп победы». Букеты летят на сцену со всех сторон, но в определенной последовательности, чтобы артист успел их поймать. Отсюда летит, оттуда, оттуда, и — бах! — он уже стоит весь упакованный в цветах. Как они нужные места в первый ряд доставали, я не знаю. Когда самому надо было знакомых усадить получше, приходилось обращаться за билетами к ним. Или делал по четверной цене, потому что они сами доставали по тройной. Какие между ними происходили разборки! Если новенькая в клаке впервые хочет подойти к любимому артисту, ее пропустят. Один раз. А второй уже нет. Пока не заслужит своей преданностью, дисциплиной — нельзя. Была целая система своих проверок, испытательный срок — от дежурства у билетных касс до поездок за трупой на гастроли. Существовали свои внутрен-

Неделя № 10 — 1997 — № 10 — С. I — III

ние подразделения — «сыры», «хлопушки» и какие-то еще, черт его знает, что это значит. С поклонницами из клаки артисту ни в коем случае нельзя было заводить шашни, это сразу нарушало их внутреннюю гармонию. С «простыми» поклонницами — можно, тут они не вмешивались, а со «своими» нельзя. Скандалы могли возникать вплоть до мордобоя. И бывшему любимцу устраивали веселую жизнь. Не обязательно его освистывать или закидывать тухлыми яйцами (что, впрочем, не исключалось), просто в разных концах зала вдруг начинают громко падать на пол номерки. Публика начинает неудержимо кашлять и шуршать программками. Или еще лучше: артист заканчивает арию и по привычке ждет восторженных аплодисментов, а клака, сидящая вразброс по залу, предупреждает соседей: «Ш-ш! Не надо шуметь, не мешайте артисту!» И тот уходит со сцены почти оплеванный «под стук собственных копыт» — есть у артистов такое выражение. Чем отличается зритель от поклонниц? Зритель — это человек, одурманенный средствами массовой информации и рекламы. Купив билет, он готов обманываться, этим часто пользуются поклонники, заводя зал. Поклонница ни за что не пойдет на плохой спектакль или на неинтересного актера. Она смотрит один спектакль столько раз, сколько играет кумир. Поклонники — это зрительская элита, они не тратят пенсию или стипендию на цветы кому ни попадя. Была такая, царствие ей небесное, Клавдия Васильевна, фамилии которой никто не пом-

нит, человек необыкновенно преданный Театру оперетты. Она на протяжении десятков лет была лидером неформальной организации любителей оперетты и «ходила» еще за Кокой Каширским, позже за Владимиром Шишкиным — потрясающей прыгучести человеком, который до семидесяти лет прыгал на сцене, задирая ногу выше головы. Потом появился Герард Васильев, и она ушла от них к нему. А когда пришел я — ко мне. Ее лебединой песней стал праздничный спектакль «Летучая мышь». Естественно, были подготовлены цветы и вся организация обласканная кумира. У Клавдии Васильевны была одна маленькая слабость: крепких напитков она почти не пила, но очень любила пиво. И вот она, взяв в антракте «на борт» немножко пивка, приготовилась бросить с разбега букет через оркестровую яму, которая, кстати, в Театре оперетты очень широкая. Разбежалась и метнула букет — очень большой! Букет полетел ко мне, а зал выдохнул громкое «А-х-х!» Разбежавшись, она не рассчитала своих сил и перевернулась через барьер, упав под ноги к дирижеру. Причем ее собственные ноги остались торчать вверх, платье съехало на голову, открыв для обозрения штаны с начесом. Так она стоит некоторое время, обалдевший дирижер не знает, что делать. Тогда Клавдия Васильевна совершает некое подобие колеса, скатывается на пол, встает рядом с ним, поворачивается к залу и как ни в чем не бывало зыч-

■ Окончание на стр. II-III